Книгоиздательство „БОРЬБА“.

Серія „ТЕМЫ ЖИЗНИ“. № 1.

МЕЧЪ, В.

МЫСЛИ АРХИПА.

Цѣна 15 к.

МОСКВА.
1-й годъ Республики.
(1917).

МОСКВА.—1917 г.
Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла.
Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ. Телеф. 18-35.

Мысли Архипа.

Человѣкъ я малограмотный, никакимъ книжнымъ хитростямъ не ученъ. А потому, признаться, и во всей нынѣшней политикѣ я ничего не смыслю. И слова какія-то все трудныя, и говорятъ ихъ ученые люди очень скоро: понятное дѣло—умственность! Ну, а мнѣ это не по мозгамъ. Вотъ свое дѣло, столярное, это—сколько хотите: выпилить что иль отполировать—сдѣлаю, словно машина! Умѣю тоже и по черной работѣ. Служилъ когда-то на товарной станціи; долго служилъ, все каталъ платформу съ товаромъ; пять лѣтъ моталъ руки, навыкъ. *Эту* платформу хорошо знаю. Ну, а вотъ какія-то другія платформы, политическія—это, ужъ извините, не по моей части.

Конечно, и объ этихъ умственныхъ дѣлахъ мнѣ приходится думать и говорить: кто жъ о нихъ не думаетъ и не говоритъ теперь? Только у меня все это выходитъ какъ-то немудрёно и не краснорѣчиво: видимости той нѣтъ, очень ужъ просто, неинтересно. Совсѣмъ не то, какъ у образованныхъ людей: и пойдетъ тебѣ, и пойдетъ; какъ только, Господи, голова за языкомъ поспѣваетъ!... Я такъ не умѣю. А всетаки думаю кой-о-чемъ и посвоему объясняю.

Вотъ все говорятъ теперь о нашихъ бѣдствіяхъ и неустройствахъ, какъ ихъ уладить и все похорошему окончить. Много я слушалъ объ этомъ другихъ; сначала только и дѣлалъ, что слушалъ.

Но только мало понялъ. Все выходитъ красиво, умно, и кого ни послушаешь изъ настоящихъ, съ каждымъ согласиться хочется; очень складно; только все же не совсѣмъ понятно. А главное, никакъ я это не умѣю свои-то простыя мысли объ этихъ дѣлахъ сюда же пристроить и не нахожу ихъ въ образованныхъ рѣчахъ. И удивительно, почему это выходитъ: будто, дѣло простое, и отвѣтъ простъ, а вмѣсто того, глядишь, словесности пропасть, и какъ-то всегда по иному кончается...

И такъ слушалъ я, слушалъ, да и остался при своихъ старыхъ мысляхъ, болванъ-болваномъ.

Вотъ возьмемъ, для примѣра, землю. Извѣстное дѣло, помѣщикъ жирѣетъ на избыткѣ, а мужикъ голодаетъ на худой полосѣ. Какъ же тутъ устроить, чтобы по совѣсти было!

Да, по моему, по-неграмотному, только и есть одинъ способъ: чтобы всей землей пользовались одинаково всѣ, кто хочетъ на ней работать. А что я въ городѣ объ этомъ узналъ?

Зашелъ разъ на митингъ о землѣ. Ну, такъ и посыпалось: „муниципализація“, „соціализація“.... только въ ушахъ зашелестѣло. Нѣтъ, думаю, стой, тутъ мнѣ не понять; заговорю-ка я самъ попросту съ кѣмъ-нибудь въ отдѣльности. Увидалъ барина въ очкахъ, который хорошо говорилъ передъ тѣмъ и подхожу къ нему. „Объясните“, говорю, „мнѣ, почему непросто, какъ по-моему—взять всю землю и одинаково всѣмъ предоставить“.

— Нѣтъ, говоритъ, это невозможно, несправедливо; отобрать можно только нѣкоторыя земли, да и то надо выкупить, какъ слѣдуетъ, по справедливой оцѣнкѣ. Иначе, говоритъ, получится „экспропріація“, весь государственный порядокъ расшатается и получится обратное тому, что нужно.....“ и пошелъ, и пошелъ. Какъ это, думаю, получится,

вмѣсто земли, обратное и почему нельзя, по-моему, взять и опредѣлить всю землю—такъ и не понялъ и отошелъ отъ него; говорятъ, называется „кадетомъ“.

Тогда рѣшилъ подойти къ кому попроще. Гляжу, стоятъ въ сторонѣ отъ другихъ двое: одинъ рыжій въ поддевкѣ—изъ простыхъ, другой, высокій и плечистый, въ поношенномъ пальто, въ родѣ какъ бы стряпчаго. Говорю поддевкѣ—такъ, молъ, и такъ, почему бы просто землю не уравнять. А онъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и говоритъ, словно бы нехотя: „Извѣстно, дѣло недурное“. Тогда пальто сейчасъ же ко мнѣ?

— А знаешь, говоритъ, отъ кого это зависитъ? Не отъ этихъ пустомелей и провокаторовъ...

— А отъ кого же?

— Отъ того, кого теперь нѣтъ. Гдѣ царь-то? Понялъ? Такъ вотъ и помни, да помалкивай...

Гляжу это я, неладно мѣтитъ человѣкъ, и обидно мнѣ стало:

— Помнить-то я, молъ, помню, а только память эта что-то не радуетъ. Былъ царь и какъ будто немалое время, а земли дать народу не удосужился.

А потому, какъ раньше отъ царя земли ждали, такъ теперь стали ждать ее отъ тѣхъ, кто его прогналъ...

Тутъ онъ еще больше обозлился: глаза налились, усы ощетинились: — „а ты что жъ“, говоритъ, „хоть дьяволу подчинишься, лишь бы земли далъ? Раззарился на чужое-то добро; только на то васъ и хватаетъ, проходимцевъ... Вотъ погоди, вернется порядокъ въ государствѣ, пропишутъ вамъ, провокаторамъ, ижицу“...

— А ты чтожъ, говорю, губернаторъ что-ли?

— Да хоть и не губернаторъ, а при случаѣ сумѣю посчитаться съ вашей братіей.

Вижу, строгъ очень человѣкъ, плюнулъ я и ушелъ.

Такъ бы и оставить мнѣ это дѣло. Да послѣ опять раздумался. Поговорю, молъ, еще съ другимъ человѣкомъ, съ Артамонъ Егоровичемъ; это—лавочникъ у насъ около станціи. Этотъ, думаю, и простой и всетаки образованный нѣсколько: много народа видаетъ всякаго, понабрался. И понесла меня нелегкая. Прихожу, поздоровались, сказали два слова о томъ, о семъ, а потомъ и говорю ему насчетъ земли все, какъ думалъ.

Тогда онъ вдругъ все радушіе свое потерялъ. Сталъ это, голову назадъ, животомъ впередъ, смотритъ на меня и ехидно улыбается:

— Вонъ оно что, те-те-те... Хорошъ голубчикъ!...

А потомъ помолчалъ и говоритъ:

— Вотъ ты имѣешь жену, и я имѣю жену: та твоя, а эта моя—такъ? а не общія и не пополамъ?

Ну, такъ вотъ и остальное: одно—мое, другое твое—понялъ? А если не у всѣхъ одинаково и не поровну—такъ это отъ трудовъ разныхъ, да отъ мозговъ, а то отъ родителей и всего больше—отъ Бога. Понялъ? Вотъ и баста.

Такъ я и остался ни съ чѣмъ, т.-е. со своими прежними простыми понятіями.

Думалъ я и о другихъ нашихъ трудовыхъ дѣлахъ. Вѣдь, я уже давно не крестьянствую, а работаю по мастерскимъ, и потому мнѣ ближе теперь наши рабочія нужды, чѣмъ даже крестьянскія.

И вотъ спрошу васъ: неужели же несправедливо то, о чемъ думаю я, простой, неграмотный столяръ? А думаю о томъ, что нельзя хорошо работать за однимъ дѣломъ и въ одной мастерской по десять часовъ каждый день. Силъ не хватитъ человѣческихъ на долгое время. И несправедливо требовать этого отъ рабочаго человѣка, если не

считать его рабомъ. Всѣ ли изъ васъ работаютъ такую тяжелую и однообразную работу столько часовъ? Куда тамъ! Поглядишь кругомъ, на другихъ, не простыхъ рабочихъ людей, такъ у цихъ и работа легче, и рабочее время короче. А пока это такъ, пока другіе разряды населенія работаютъ меньше насъ, никто не можетъ требовать отъ насъ прежняго количества труда.

Я слышалъ, что наши товарищи въ городахъ устанавливаютъ теперь 8 часовъ работы. Вотъ это дѣло: ровно треть сутокъ; значитъ, одну треть работать въ мастерской, другую—отдыхать и работать по дому или что захочется, а третью—спать. Аккуратно придумано! Видать, что наши же мозги работали.

И повѣрьте мнѣ, господа, если это окончательно введутъ, то рабочій станетъ не рабомъ, а человѣкомъ, и работа его улучшится. Чортъ возьми! Я знаю свою братію и прямо скажу: мы выработаемъ въ 8 часовъ столько, сколько раньше въ 9 или въ 10.

Но вотъ что я еще скажу. Если мы и должны требовать сокращенія работы до 8 часовъ, то совсѣмъ не для того, чтобы теперь же, во время войны, дѣйствительно, сократить свою работу. Нѣтъ! Въ такое время, когда врагъ стоитъ на нашей землѣ и, предводимый самодержавными захватчиками, грозитъ нашей свободѣ, когда наша страна и армія нуждаются въ самомъ необходимомъ для жизни и обороны—въ это время не имѣютъ силы всѣ правила и нормы, расчитанныя на обыкновенное, мирное время. Теперь и землю пашетъ не мужикъ, а баба или подростокъ, теперь даже хозяйка по дому стоитъ цѣлую ночь, ожидая хлѣба у булочной. Мы ли, рабочіе, будемъ требовать привилегій и увеличеннаго отдыха?

Нѣтъ, мы будемъ работать во всю силу, не сокращая часовъ—но не по принужденію, а по собственной своей рабочей волѣ, изъ желанія помочь родинѣ и свободѣ. Пусть только эта работа идетъ не для бо́льшей наживы фабриканта. Пусть платятъ намъ не скупясь за всѣ часы, что сверхъ нашихъ восьми. И пусть не говорятъ, что много требуемъ: пока цѣлыя тысячи другихъ господъ получаютъ гораздо больше насъ безъ всякой работы—никто не смѣетъ говорить о жадности рабочаго!

Итакъ, мы требуемъ 8-часового рабочаго дня; онъ долженъ быть нашимъ правомъ—и отъ насъ, рабочихъ людей, будетъ зависѣть, когда это право примѣнить вполнѣ. Мы—граждане и сумѣемъ сами рѣшить, когда наша сверхурочная работа необходима для спасенія родины и когда она будетъ нужна только для обогащенія предпринимателя.

Такъ я думалъ про себя о нашихъ рабочихъ нуждахъ, такъ мы и говорили между собой въ своей маленькой мастерской. И въ этомъ, послѣ долгихъ споровъ и разногласій, мы все же пришли къ общему согласію.

Но затѣмъ я сталъ замѣчать, что не въ этомъ—главный вопросъ и корень нашихъ разногласій. Дѣло не въ томъ, каковы наши рабочія и крестьянскія нужды и требованія, а въ томъ, *какъ ихъ провести*. И здѣсь-то у насъ и получались самые большіе споры.

Одни, какъ, напримѣръ, нашъ сердитый кузнецъ Агафонъ, говорили, что никто намъ ни въ чемъ не уступитъ и ничего не дастъ, и все надо взять силой, немедленно, прямо на мѣстахъ работы: крестьяне пусть берутъ землю и экономіи, а рабочіе—всякія вольности, штрафные капиталы и даже, если возможно, самыя фабрики. „Будетъ миндаль-

ничать“ — говорилъ, глядя изподлобья Агафонъ: „пришла наша пора; поѣздили на насъ, теперь мы на нихъ покатаемся“.

Другіе, въ родѣ хитраго, съ козлиной бородкой, конторщика Сидора, насмѣшливо говорили, что обо всемъ этомъ хорошо только помечтать, но дѣйствовать сейчасъ нельзя: это будетъ самоуправство или разбой, будетъ противъ закона и государства. За такое дѣло накажутъ рано или поздно— только и всего.

Задумался я, вижу, что и то и другое мнѣніе мнѣ не по душѣ; а почему — не разберусь что-то. Но потомъ раскинулъ немного верхушкой-то, да и говорю товарищамъ:

— Нѣтъ, вы неладно думаете. Неправъ Агафонъ— мы не должны поступать, какъ разбойники или возмутившіеся рабы, ибо вызовемъ этимъ только общую свалку и погубимъ родину, а еще вѣрнѣе— доведемъ до расправы съ нами всѣхъ, испуганныхъ не только за себя, но и за судьбу государства.

Неправъ и Сидоръ: мы по закону жили всю жизнь, а кромѣ голода и униженія ни до чего не дожили. Что такое законъ? кѣмъ онъ созданъ? Людьми. Только раньше онъ создавался немногими господами, не раздѣлявшими нашихъ нуждъ и желаній. Теперь же законъ долженъ быть народный. Теперь всѣ свободны и всѣ равны, а насъ—крестьянъ и рабочихъ—огромное большинство. Создадимъ же всѣмъ народомъ новые справедливые законы—законы о землѣ и трудѣ—и будемъ поступать по нимъ. Тогда все будетъ и законно и для насъ хорошо. Будемъ правы передъ своей совѣстью и передъ родиной: она не разстроится смутой, будетъ сильна и внутри и на фронтѣ—и нѣмцу, какъ своихъ ушей, не видать власти надъ нами! Товарищ Это—единственный путь. Выберемъ лучшихъ люд-

учредить новые законы—и этому Учредительному Собранію отдадимъ всю власть для устроенія государства.

— Правильно—сказали товарищи, а тѣ, которые промолчали, какъ Агафонъ, все же въ душѣ, видимо, соглашались съ этимъ, потому что потомъ уже не проповѣдовали своихъ захватныхъ мыслей.

Такъ жили мы въ своей глуши и работали,—а кругомъ насъ новая жизнь задавала нашимъ бѣднымъ головамъ новыя мысли, новыя трудныя задачи. Шли толки о томъ, что Учредительное Собраніе — дѣло большое, трудное и будетъ оно нескоро, а межъ тѣмъ дѣло въ странѣ обстоитъ неладно. Многіе солдаты, понявъ свободу, какъ произволъ, бѣжали съ фронта, другіе—не соблюдаютъ воинской дисциплины, братаются съ нѣмцами и больше довѣряютъ врагу, чѣмъ своимъ офицерамъ. Солдаты въ тылу повели себя еще того хуже—только, вмѣсто нѣмца, начали братанье съ нашимъ старѣйшимъ врагомъ — водкой, которую доставали погромами складовъ и заводовъ. Слыхали мы и о томъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне, несмотря на голодъ въ арміи и въ городахъ, придерживаютъ у себя излишній хлѣбъ, что расклеилась и работа нѣкоторыхъ заводовъ, что, пользуясь всѣмъ этимъ, зашевелились прежніе царскіе погромщики, расползлась по землѣ клевета, травля, подозрѣнія, анархія, зашипѣли въ злорадствѣ языки прежнихъ охранителей, дикихъ помѣщиковъ и темныхъ дѣльцовъ...

Скажу прямо, что хотя я человѣкъ малограмотный, но всѣ эти вѣсти и начавшіяся въ сосѣднихъ деревняхъ безчинства солдатъ-дезертировъ—сильно смутили и обидѣли меня. Какъ это такъ—думаю; вѣдь только хамы, почуявъ свободу, дѣлаютъ

все, что кому вздумается, и не могутъ прожить безъ палки ни одного дня. Граждане же, какъ бы ни были различны и даже враждебны они другъ другу, всегда могутъ столковаться между собой на короткое переходное время и общими силами довести страну до новаго закона. Столковаться на 3—4 мѣсяца до Учредительнаго Собранія ради общаго блага и отпора нѣмцу можно, по-моему, хоть съ дьяволомъ, а не только съ господами-владѣльцами и прочими согражданами. А столковавшись, надо держать твердый порядокъ — не за страхъ, какъ раньше, а за совѣсть. Теперь всѣ свободны, но и всѣ отвѣчаютъ за цѣлость родины, а кто хочетъ свободы и не хочетъ соблюдать общаго интереса и отвѣчать за свои дѣла—тотъ хамъ и негодяй, а не гражданинъ.

И вотъ, когда въ сосѣдней деревнѣ Лепешкиной солдаты-дезертиры, напившись политурой, подбили крестьянъ на грабежъ одной экономіи съ винокуреннымъ заводомъ, мы, простые рабочіе, потерявъ терпѣніе отъ всѣхъ этихъ безобразій, рѣшили созвать сходку. Кликнули по деревнямъ крестьянъ, оповѣстили два сосѣднихъ заводишка и собрались на полянѣ передъ нашей мастерской. Съ пригорка, что посреди поляны, говорили ораторы. Говорили разное—были и старые и молодые. Кто горько жаловался на прошлую жизнь, на нищету, на полицію и звалъ къ мести, кто боязливо предостерегалъ отъ всего и совѣтовалъ все оставить въ покоѣ и сидѣть смирно, а кто, съ видомъ практика, предостерегалъ отъ надеждъ на Учредительное Собраніе и предлагалъ лучше взять синицу въ руки, то-есть, теперь же прибрать къ рукамъ все, что можно, изъ земель и помѣщичьяго инвентаря.

У меня душа такъ и рвалась отъ всѣхъ этихъ рѣчей: не то, не то—говорю—а самъ дрожу, какъ

въ лихорадкѣ. Хотѣлъ бы говорить, даже кричать, громомъ гремѣть среди этихъ людей, но голосъ мой слабъ, грудь надорвана, и никто не могъ услышать меня.

Но вотъ, вижу, поднялся на пригорокъ какой-то рабочій—высокій, худой, со впалой грудью, и заговорилъ. Голосъ громкій, могучій, точно у него мѣха въ груди помогаютъ ему. И когда я вслушался въ его рѣчь, то сразу насторожился, а потомъ, понявъ свое, близкое, честное, впился въ него глазами и ловилъ каждое его слово; наконецъ-то! А говорилъ онъ вотъ что:

—Братья! Лошадь въ плугѣ не отвѣчаетъ за то, хорошо-ли вспахивается земля, потому что ее силой впрягли и погоняютъ кнутомъ, ни о чемъ не спрашиваютъ. Такъ и съ народомъ: пока онъ былъ рабомъ и его не допускали до управленія, до руля власти надъ государствомъ, онъ не отвѣчалъ за судьбы родины. И понятно, за цѣлые вѣка этого рабства онъ отвыкъ даже думать о государствѣ, объ общемъ интересѣ, какъ и о всѣхъ вещахъ, которыя были далеки отъ его околицы.

А такъ ли это теперь? Нѣтъ, братья: народъ сталъ свободнымъ, и въ его руки перешла вся власть. Но, вмѣстѣ съ ней, на него легла и забота о родинѣ, и отвѣтственность за ея судьбу: падетъ родина—падемъ и мы съ ней. Кто не понимаетъ этого, кто въ такое время думаетъ только о себѣ, тотъ мародеръ, а не свободный гражданинъ.

Граждане! Родина въ опасности. Проклятый врагъ стоитъ на нашей землѣ. Подъ командой нѣмецкихъ помѣщиковъ и угнетателей, онъ грозитъ намъ и нашей свободѣ. Какъ назовемъ солдата, убѣгающаго теперь съ фронта? Какъ назовемъ и того, кто на фронтѣ занятъ не укрѣпленіемъ боевой силы арміи, а смутой и братаніемъ съ врагами?

Намъ не надо нѣмецкихъ земель или денегъ, но и нашъ справедливый миръ мы добудемъ только съ оружіемъ въ рукахъ: слабаго никто не послушаетъ, не спросятъ его объ условіяхъ мира, а сами предпишутъ ему.

Братья! Родина наша истощена. Недостаетъ хлѣба и всякаго продовольствія для арміи и населенія. Какъ назовемъ крестьянина, прячущаго отъ продажи лишніе запасы?

Родина не успѣваетъ снабжать армію и ея тылъ всякимъ снаряженіемъ: какъ назовемъ товарищей-рабочихъ, нерадиво работающихъ за своими станками?

Государство страдаетъ отъ недостатка денегъ и средствъ на оборону и на укрѣпленіе свободы: какъ назовемъ тѣхъ дѣльцовъ, которые наживаютъ въ такое время на производствѣ и торговлѣ милліоны, и тѣхъ, которые, имѣя капиталы, прячутъ ихъ отъ займа свободы?

Государсто въ смертельной опасности: какъ заклеймимъ тѣхъ людей, которые стараются плодить неповиновеніе своимъ же организаціямъ и новымъ властямъ, плодятъ смуты, раздоры, подозрѣнія и преступленія или спѣшатъ сводить личные счеты, обдѣлывать личныя дѣла?

Братья? Такъ не должно быть далѣе, мы не допустимъ этого, всей силой своего гнѣва обратимся противъ всякаго рода предателей, мародеровъ и дезертировъ. Во имя спасенія родины мы не остановимся передъ самыми суровыми карами на тѣхъ, кто своими дѣйствіями создаетъ лишнія затрудненія государству, увеличиваетъ опасность положенія.

Граждане! Въ старину на Руси уже было страшное смутное время: пала власть, народъ не умѣлъ взять ее немедленно, упалъ духомъ, внѣшній врагъ

вторгся въ страну и овладѣлъ Москвой. Застонала страна, истерзанная, распавшаяся. И вдругъ воспрянула: раздался кличъ изъ Нижняго, народъ отозвался со всѣхъ сторонъ, быстро столковался. Вооружили рать и двинулись на защиту родины. Проснувшаяся совѣсть народная удвоила силы— и врагъ бѣжалъ передъ ней, и возстановилось государство. Граждане! Это было три вѣка тому назадъ: развѣ хуже, малодушнѣе сталъ русскій народъ? Развѣ умалилась въ немъ совѣсть народная и любовь къ родинѣ.

Нѣтъ! Твердо скажемъ это и докажемъ на дѣлѣ.

Что надо для этого?

Граждане! Народъ нашъ состоитъ изъ людей разныхъ состояній—крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ, интеллигенціи, помѣщиковъ и другихъ владѣльцевъ. У всѣхъ у нихъ—разные достатки, разные интересы, и въ жизни каждому классу приходится бороться за свое, враждовать съ другими. Такъ и живетъ всякій народъ въ обыкновенное время.

Но когда грянетъ гроза, когда встаетъ передъ всѣми общая опасность, то на время всѣ классы народа соединяются и соединенной силой борются. За общую свою родину и свободу. Такъ было всегда въ мірѣ. Да и какъ иначе можетъ быть? Во время всемірнаго потопа даже звѣри въ Ноевомъ ковчегѣ не грызлись между собой.

Чтобы объединиться, хотя на короткое время, всѣмъ, надо столковаться. Въ чемъ же должно быть это наше общее соглашеніе?

Посмотрите, братья: въ самомъ главномъ мы уже договорились—всѣ, начиная отъ рабочаго и крестьянина, до богатаго барина, договорились предоставить всю власть, всю силу своему народному Учредительному Собранію, ждать отъ него созданія новыхъ законовъ и порядковъ и устрое-

нія земли русской, повиноваться ему безпрекословно и во всемъ содѣйствовать ему.

До Учредительнаго Собранія осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Граждане! Неужели же, сговорившись въ главномъ, мы не сумѣемъ провести въ соглашеніи такое короткое время и тѣмъ поддержать гражданскій порядокъ, военную дисциплину и силу фронта во имя общаго блага? Неужели же мы не граждане одной страны и не способны ни въ чемъ понять другъ друга?

Есть, граждане, одно преданіе. Въ древности народы Вавилона, сговорившись, начали общими силами строить громадную башню, чтобы достигнуть самаго неба. Древній богъ испугался этого и, желая разстроить затѣянное людьми дѣло, смѣшалъ ихъ языки. Люди перестали понимать другъ друга, общее дѣло разладилось, и всѣ разбрелись, какъ пыль, по странѣ съ позоромъ, бросивъ постройку на произволъ судьбы.

Граждане! Новый Богъ христіанскій не боится великихъ затѣй и твореній человѣческихъ и не похожъ на ревниваго древняго бога. Въ одномъ только этотъ послѣдній былъ правъ: для всякаго большого общаго дѣла людей имъ необходимъ общій языкъ. Братья! Намъ предстоитъ строить великую, небывалую въ мірѣ постройку: свободное Государство Россійское. Неужели же мы не найдемъ для этого всенароднаго дѣла общаго языка и взаимнаго пониманія? Найдемъ же! Защитимъ родину отъ врага и отъ распада и всенародной волей создадимъ въ ней новый законъ.»

Здѣсь ораторъ кончилъ, поднялся сильный шумъ, всѣ хлопали и кричали, но я почти ничего не сознавалъ: я, какъ сумасшедшій, расталкивая толпу, бросился къ тому мѣсту, гдѣ былъ ораторъ. Зачѣмъ? Я и самъ не знаю точно: пожать ли ему

руку, обнять его, запомнить лицо его—не знаю; я только рвался и метался въ плотной толпѣ, хрипло кричалъ что-то, но подвигался очень медленно. Когда же долѣзъ до бугра, то говорилъ уже кто-то другой. Не обращая на него вниманія, я влѣзъ на бугоръ, закричалъ было, чтобы показали мнѣ предыдущаго оратора, но на меня зашикали, замахали, чтобы не мѣшалъ, и я такъ и недобился толку.

По окончаніи сходки я опять вылѣзъ на бугоръ и кричалъ, вызывая того высокаго и худого, что говорилъ лучше всѣхъ, но мой слабый голосъ мало кто слышалъ. Я не унялся, и въ слѣдующіе дни сталъ доискиваться, гдѣ онъ и кто онъ; ходилъ по сосѣднимъ деревнямъ и заводамъ, разспрашивалъ, говорилъ примѣты, но ничего не могъ добиться.

Господа хорошіе! Не увидите ли вы его гдѣ-нибудь? Тогда пожмите ему руку отъ меня, простого столяра Архипа. А если онъ будетъ говорить съ народомъ такъ же, какъ я слышалъ, то обнимите его, а всѣмъ слушателямъ его строго-на-строго накажите по совѣсти слѣдовать его совѣтамъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
Москва, Тверская ул., д. 59, кн. маг. „ТРУДЪ“.
Телеф. 34-54.